Лариса

РУБАЛЬСКАЯ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ПОЭЗИИ

Лирика

Лариса Алексеевна Рубальская

Лирика

Серия «Всемирная библиотека поэзии»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8672024
Лариса Рубальская. Лирика: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76979-7

Аннотация

Уникальность поэтической и прозаической манеры Ларисы Рубальской состоит в том, что каждое произведение автора – маленькая история любви, в которой заключено много недосказанного. Автор очень точно улавливает ту единственную и неповторимую интонацию, на которую отзывается душа, открытая для настоящего чувства.

Книга также издавалась под названием «Свет в твоем окне».

Содержание

Из книги «Очередь за счастьем» 4
Отец 4
Настоящая подруга 13
1 13
2 15
3 18
4 21
Ошибка молодости 23
Слежка 46
Девочки-припевочки 52
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Лариса Рубальская
Лирика

Из книги «Очередь за счастьем»

Отец

– Ой, Лариса, ну почему ты так чудно ходишь? Носки врозь и переваливаешься, как утка? Тебя издалека узнать можно. – Сколько раз я это слышала!

Да, как хочу, так и хожу. У меня походка папина. Я вообще вся в него – и походка, и характер, и улыбка. И очень этому рада, ничего исправлять не собираюсь. Потому что папка мой был обыкновенным замечательным человеком. Его нет уже очень давно – 33 года. За эти годы в моей жизни произошло столько всего – и радостного, и страшного. Недавние утраты еще очень больно жгут сердце. А память об отце уже где-то очень глубоко, на донышке души. И вспоминаю о нем без боли – грустно-весело.

В 1920 году в украинском местечке Вчерайше, в огромной – сестер-братьев не сосчитать – семье, родился мальчик Айзик – мой отец. У Рубальских было много Айзиков и Бази-

ков. Почему-то всех почти родившихся мальчишек так называли их родители. Выглянет, бывало, какая-нибудь мама в окошко, зовет домой сыночка: «Айзик!» И сразу человек пять бегут на ее оклик.

Или соберутся вечерком и о Базике разговор заведут. А о каком из них, сразу и непонятно.

Мне мои дядьки достались уже Алексеями, Борисами, Ленями – все поменяли свои еврейские имена, такое было время. И я появилась на свет уже Ларисой Алексеевной.

В 1941 году отец ушел на войну, готовил к вылету военные самолеты в летном отряде в Паневежисе.

А когда вернулся домой, увидел пепелище от сожженной хаты, холм братской могилы в лесу, где остались расстрелянные немцами его мать, отец, две сестры и еще много родных людей. От оставшихся в живых он услышал страшный рассказ о том, как вели евреев в лес, воткнув им в спины острия штыков, как громыхали выстрелы и как потом еще несколько дней как живой дышал холм над телами убитых и, может быть, заживо погребенных.

1944 год – отец в Москве, курсант Военно-воздушной академии им. Жуковского. С друзьями-летчиками пошли на танцы, а там мама моя с подружкой – Алька с Тамаркой, во все глаза на летчиков пялятся. Понравился Алексей Тамарке, а ему как раз Алечка приглянулась – мама моя. Ну и в

сентябре на свет появилась я – папкина копия, доченька его любимая. И я любила его больше всех на свете.

В академии отец проучился недолго – евреи там были нежелательны. И покатилась его штатская жизнь, полная послевоенных трудностей. Так многие тогда жили-выживали. Папка не умел озлобляться, завидовать, жаловаться. Работал где мог, зарабатывал сколько мог. Мы с братом Валеркой росли и горя не знали, в смысле жилось нам хорошо у хороших родителей.

Сейчас модно докапываться до корней – люди ищут-надеются – а не князья ли, не дворяне ли их предки?

А мне докапываться не надо. Я точно знаю, из каких я – из добродушных, верных, честных обыкновенных людей.

Да, много времени прошло. Воспоминания об отце – нехитрая мозаика из разноцветных стеклышек. Уж и не знаю, каким получится составленный мной узор. Вспоминаю, стеклышки перекладываю – то оранжевое радостное под руку попадется, то нежное голубое, то страшное черное…

Мне лет 14-15. Возраст любви. Вот и Лолита Торрес о том же на всех афишах – Каимбро, мой солнечный город…

У меня косы до лопаток, на концах локоны. Волосы вьются, как у папки.

Потом, много лет спустя, после моего выступления в Из-

раиле ко мне подошла старушка и со слезами в голосе сказала: а я с вашим папой в одном классе училась. Он у нас самый кудрявый был. Его так и называли – Айзик Пушкин. Так что я не удивляюсь, что вы стихи пишете.

Ну вот, значит, косички мои вьющиеся мне надоели – выгляжу как ребенок. А одноклассник мой, смысл моей четырнадцатилетней жизни, глаза пялит на стриженую подружку. И я решила – чтобы его отбить, и мне постричься надо. Пошла в парикмахерскую и – чик-чик-чик – косички вьются на полу. А у меня кудряшки вокруг головы и челочка – красота! Мы на другой день как раз с классом в поход собирались, и я предчувствовала победу над подружкой.

Вечером папа пришел с работы и увидел меня. Не говоря ни слова, он подошел и как треснет подзатыльник. А ручища у него была будь здоров! Он штангой занимался, гири на цепях вокруг тела крутил. Я от боли и страха даже не заплакала. Замерла. А отец вышел из комнаты и повернул с той стороны ключ в двери.

Вот тут я взвыла: «Папа, открой! Мне собираться надо. Завтра мы в поход идем». Вою, а он за дверью молчит.

Слышу – звонок – подружки мои пришли. «Здрасьте, дядь Леш, а где Лариса? Мы в поход собираемся, надо рюкзаки складывать».

А папа им в ответ: «А Лариса теперь в поход пойдет тогда, когда новые косы вырастут». Так и не пустил, представляете?

– Ларуся, – так папа меня звал, даже когда сердился. – Ларуся, почему ты все время вещи разбрасываешь? Неряха ты. Нехорошо же. Вот вырастешь, замуж выйдешь – грязью зарастешь.

Папы нет уже больше тридцати лет. А я всегда, когда навожу порядок, подметаю, пыль вытираю, всегда одну и ту же думку думаю – вот, папка, и ошибся ты. Очень даже аккуратная твоя дочка получилась. Жалко, ты не видишь.

Я выучила японский язык и работаю с японской группой. Первая поездка в качестве гида-переводчика. Папа гордится. А в России такое время, что дефицит всего, и японцы это знают. Когда их путешествие закончилось, они оставили мне все, что им не пригодилось, – начатый пузырек жидкости для снятия лака, ленточку скрепленных между собой одноразовых пакетиков со стиральным порошком и замечательной красоты радужную полосатую расчесочку. Все это богатство я гордо принесла домой – невидаль! Надписи иероглифами.

Наутро все мои сокровища куда-то исчезли. Я искала, мама искала – пропало, и все.

Вечером папа возвращается с работы расстроенный и какой-то растерянный:

– Ларусь, а чего это тебе твои японцы надавали?

Я ему пересказываю, и он начинает смеяться так, что и мне становится смешно:

– Пап, ты что?

Оказывается, он жидкость эту и пакетики принес к себе на работу и сотрудницам раздарил. Вот, мол, вам – японский одеколон и сахар к чаю. Они все и подушились, и чайку попили. С мыльной пеной. Кофточки-то испортили, хорошо хоть не отравились.

– Папуль, а расческу-то полосатую куда дел?

– Какую расческу? Не знаю. Я не видел. Вот правда, расческу никакую не видел.

Разгадка появилась через неделю в виде письма от моей подружки Таньки, которая жила в украинском селе. Там, у единственной оставшейся в живых папиной сестры, тети Сони, мы с братом проводили свои летние каникулы. Танька в письме благодарила меня за красивый полосатый «гребушок», который дядя Леша ей от меня бандеролью прислал.

А папа нисколько не смутился, даже оправдываться не стал.

– Подумаешь, Ларуся, тебе же японцы еще сто таких подарят. А у Таньки-то такого не было и не будет. В жизни, доченька, надо быть подельчивой. – Я навсегда эти его слова запомнила.

Так с ними и живу. Спросите, кого хотите.

Я – пионерка. «Как повяжешь галстук, береги его…» А мне-то особенно и беречь не надо, у нас с братом Валеркой этих галстуков завались – штук пять уже набралось.

50-е годы – еще многие ветераны, герои войны, живы. А у нас свой аж дважды Герой – дядя Гриша. Григорий Михайлович Мыльников – летчик, папин друг. Всю войну прошел, ранен в голову. У него во лбу вместо кости платиновая пластина. На лацкане пиджака – две золотые звездочки. На родине памятник – бюст. И такая же копия у него дома, в квартире. Дядя Гриша, когда домой приходит, шляпу снимает и на голову бюсту этому надевает. Очень удобно.

Дядя Гриша выпивает. Часто. Лучшая для него компания – Давыдыч. Тот есть Лешка. То есть мой папа. Выпьют и давай войну вспоминать.

А в школе у нас мода – на пионерские сборы приглашать героев войны и их воспоминания слушать. Ну вот мой дядя Гриша и ходит к нам в школу на все эти сборы. И каждый раз его принимают в почетные пионеры. И повязывают новый пионерский галстук. А он их все отдавал нам, поэтому их у нас и было завались.

Я почти не помню отца без его закадычного Гришки. А когда отца не стало, мы собрались на 40-й день его помянуть. И дядя Гриша сказал удивительный тост. А на другой день он умер. И папе, и ему не было и 60 лет.

Эх, война, война…

Мне тридцать лет, а я не замужем. Вся семья переживает, папка особенно. И вдруг стараниями друзей возникает Давид – высоченный, умный – стоматолог. А я а) не люблю

высоких, б) хочу в мужья какого-нибудь писателя или поэта. Ну, в крайнем случае артиста или режиссера. А тут – стоматолог какой-то.

А папа мне однажды такое сказал: «Не хорош, говоришь? А всех хороших уже по хорошим разобрали. А тебе досталось, что осталось. Так что радуйся, ведь ты уже на финишной прямой».

Умница папочка. Умней меня в тыщу раз. Разглядел ты в будущем зяте и ум, и порядочность, и надежность, и мое будущее многолетнее счастье. И оказался прав. Спасибо, папка.

Что-то папа мой, когда идет, все время останавливается и дышит тяжело.

– Пап, ты что? Сердечко болит?

– Нет, Ларусь, все нормально.

Летом мы с Давидом и друзьями поехали отдыхать в Литву – палатки в лесу натянули, грибы-ягоды собирать, рыбу ловить будем целый август.

Мама с папой тоже в отпуске – в Одессу, на море, с друзьями. Пока-пока!!!!

Телефонов мобильных еще в помине не было. Недалеко от нашего палаточного городка жил лесник, у него в домике был телефон. И я, как приехала, позвонила в Москву брату и его жене Лере – все нормально, доехали. Передайте родителям, чтоб не волновались. И телефон этот на всякий случай

запишите.

Грибов в тот год было видимо-невидимо. Мы бродили по лесу, день солнечный, кайф. И вдруг меня как будто сила какая-то как кинет на землю, и прижимает сильно-сильно. Все бегут ко мне – что случилось? Тебе плохо?

– Да нет, вроде все нормально.

– А почему упала?

– Сама не знаю.

– Ну ладно, вставай. Обедать пора, – Давид всегда любил дисциплину, – половина второго уже. Пошли к палаткам.

Сидим, болтаем, поедаем свои продовольственные запасы. И вдруг я вижу – к нам лесник идет. У меня в глазах потемнело.

– Давид, вон лесник идет, чтоб сообщить, что мой папа умер.

Это было так. Мама позвонила Валере и Лере и сказала, что в половине второго отец вышел из моря и упал. Мгновенная смерть. Сердце. Ему было 59 лет. Лера набрала номер лесника, чтоб передать мне это страшное известие.

Вот и все. Я никакой не экстрасенс. И ни во что не верю. Просто мы с папой очень любили друг друга. И в миг смерти он обо мне подумал. И я услышала. Я же на него похожа. И хожу вразвалочку.

Алексея Давидовича Рубальского, моего отца, любили все. Весь дом. Все, кто его знал. А о том, что я стихи пишу и меня по телику показывают, папка так и не узнал…

Настоящая подруга

1

– Ольгиванна, попросите к телефону Травку! – Вы что-нибудь поняли? Нет? Объясняю – Ольга еще девчонкой была, а кавалерам уже представлялась по имени-отчеству – Ольга Ивановна. А потом это уже почти в прозвище превратилось – Ольгиванна. Все ее так и называли. Девица она была чудноватая, в смысле, романтическая очень натура. И книги любила читать чувствительные. Особенно «Даму с камелиями». Раз сто перечитала. И плакала над судьбой бедной героини Травиаты, умирающей от туберкулеза. Сколько раз читала, столько раз и плакала. И места особой печали в книге были закапаны слезами Ольгиванны и даже испорчены этой постоянной сыростью.

Ну и, конечно, когда какой-то придуманный Олей рыцарь, или там идальго, который на самом деле был всего-навсего негодяем, таксистом Витькой, за один только разок перевернул ее жизнь, заодно разбив вдребезги нежное сердце, появление на свет доченьки Травиаты стало неизбежным фактом.

Много чего Ольга наслушалась в свой адрес, пока, как весенняя почка, набухала своей новой радостью. Мало ли кто чего говорит, ей-то что! Работа есть – корректор, там безгра-

мотных не держат. Посидит немножко с ребенком, а потом снова на работу выйдет. А нянчить внучку будет бабушка, Олина мама. И жить есть где – в двухкомнатной квартире, как и до появления этого Витьки, Айвенго несчастного. Мама-то Травиату полюбит и Ольгу со света сживать не будет. Ведь Ольга отчество-то свое, Ивановна, носит по имени деда, отца матери, потому что своего личного отца у нее никогда не было. Правда, имя ей мама просто так дала, ни по какой не по героине.

Травиата, пока ждала своего появления на свет, Ольгу особенно не мучила. Сидела себе все девять месяцев, прилично себя вела. И когда родилась, тоже не мучила. Будто и не было в ней негодяевых генов. Хорошая девочка получилась. И тоже с детства книги читать полюбила. А сейчас она уже взрослая совсем. И Оля уже настоящая Ольгиванна. Две подруги они. А Травкой ее подружка Маринка называет. А саму себя Маринка велит называть Мэри. Ну велит – пожалуйста. Мэри так Мэри.

Давно Травка с Мэри дружат, класса с третьего. Не ругаются, секретами делятся. Только жизнь у них по-разному сложилась. Мэри замуж вышла рано и счастлива – вот уже скоро серебряная свадьба у нее с Павлом будет. А дочку свою она Маргариткой назвала – вроде как в честь Травиаты. Ведь Травиата означает «фиалка». Ну и Маргаритка – тоже цветок. И цветки эти между собой тоже как подружки – разницы в возрасте совсем не чувствуют. Павел в банке работает,

отдел какой-то важный возглавляет. В деньгах нехватки нет. Мэри – хочешь – работай, а не хочешь, дома сиди, журнальчики гламурные листай. Денег и так на все хватит.

* * *

Травиата себя ни одинокой, ни несчастливой не чувствовала. А что? – у нее все нормально – подружки, мама и главная любовь ее жизни – собаки. Она в институте не парилась, ума из книжек прочитанных набралась на два высших образования. А вот специальность хорошую приобрела – собак стричь. И делала она это виртуозно. Клиентуры было полно, и все симпатичные, солидные люди. Во-первых, собачники все, как правило, симпатичные. А во-вторых, модельная стрижка питомца стоит недешево, а раз заплатить могут, значит, денежки водятся. То есть солидные люди.

По утрам Травиата неторопливо пила кофе, потом заводила свой автомобиль и ехала на очередной вызов к своим любимцам. Все клиенты Травку любили – приятная, начитанная девушка, к тому же на все премьеры в театры ходит и что-нибудь интересное всегда расскажет.

2

Среди тех, чьих любимцев Травиата облагораживала своими виртуозными ножницами, были и доктора-профессора,

и артисты, и кто хочешь. Поэтому стоило только захотеть – пожалуйста, Травиата, вот вам билетик на премьеру, пожалуйте в первый ряд.

Выглядела Травка очень моложаво, только когда в проборе ее золотистых волос обозначивалась отросшая седина, можно было догадаться, что ей уже за…

* * *

Я теперь уже не помню, как она появилась в моей жизни, но симпатия к Травке у меня возникла сразу. Приходя время от времени в мой дом, она старательно рассказывала мне о том, что видела, читала. Хотела производить впечатление, и ей это вполне удавалось, потому что ее суждения и оценки были оригинальными и, как правило, интересными.

Мою постоянно раздумывающую о всякой всячине голову каждый раз посещала одна и та же мысль – вот, пожалуйста, чтобы быть умницей, не обязательно аспирантуры заканчивать. Это если человек на свет сам по себе умным родился. И еще я думала: как это так несправедливо получилось – хорошая такая женщина, а нет никакой личной жизни? Обидно даже. О собаках она рассказывала так занятно, что хоть на магнитофон записывай и потом рассказ готовый пиши – все собаки у Травиаты были с характерами, судьбами – веселыми и грустными.

Однажды я, посчитав, что мы уже достаточно давно зна-

комы, решила устроить Травке допрос на тему личной жизни. Первый же вопрос был составлен исключительно деликатно: скажите мне, Травиата, почему же у вас мужчины-то никогда не было? Я была уверена, что это так: моя милая собеседница – типичная старая дева во всех проявлениях. Интересно же, как это так получилось?

Травиата отпила глоточек кофе, неспешно откусила кусочек печенья, посмотрела на меня совершенно обыкновенным взглядом.

– А что, Павел-то, по-вашему, не мужчина?

* * *

Две подружки – Мэри и Травка сидели на Мэриной кухне и болтали-секретничали. Вернее, так – Мэри делилась своими секретами, а Травка слушала. Новорожденный цветочек Маргаритка только что перекусила маминым молочком и симпатично посапывала в кроватке.

Рассказывала Мэри о докторе, принимавшем роды – и какой он был умелый, и какие руки у него нежные были – и пока Мэри в роддоме лежала, и потом, когда уже можно было… Пашка-то от радости ошалел, что дочка у него родилась. Мол, вот какой он мастер – Маргариту свою смастерил. И каждый вечер с работы возвращался с какой-нибудь покупкой – цветочку своему ненаглядному игрушки-погремушки приносил. А днем забегал Алексей Петрович – тот

доктор с руками умелыми и нежными. И все свои эти умения как раз Мэри и демонстрировал. И это все было очень похоже на любовь. Ну почему же похоже? Это была именно она – неожиданная, грешная, самая настоящая любовь. Леша был свободен, в смысле холост, молод, и влюбился всем сердцем в юную мамашу – Маринку, Мэри то есть.

Маргаритка росла, Пашка заколачивал капитал, Лешка забегал – Мэри была счастлива.

Главное, чтобы Пашка ни о чем не догадывался. А он догадываться и не думал. Ему было все равно. Потому что он любил на свете только двух женщин. И Мэри в их число не входила.

3

Интересно? Мне тоже было интересно, особенно когда я узнала, что одна из них – цветочек, Маргаритка ненаглядная, а вторая – цветочек Травка. Ну и что же, что они подруги?

Уж так получилось: жене – зарплату, дочке – подарки, а Травиате – любовь.

* * *

Маргошка тогда еще совсем маленькая была, они вчетвером летом на юг поехали. В купе на нижних полках расположились Мэри и Маргаритка, на верхних – Павел и Травиата.

Все как обычно – курица, вареное яичко, помидорчик, звон ложечек о граненые стаканы и ночь. Мэри с дочкой заснули внизу, а наверху Пашка с Травкой шепотом разговаривают, а потом – спорим? – в чем-то несогласны были. Спорим – рука об руку тихонько – кто прав?

И что же такое случилось, что во время хлопка этого дружеского обоих током тряхануло. Да так, что в темноте показалось, что разряд летучей молнии сверкнул.

И опять потянулась рука к руке, а током все било и било. Хорошо, что Мэри крепко спала, а то если бы глаза открыла, то увидела бы над собой переплетенные в воздухе, там, на верхних полках, руки не спящих двоих людей.

Приехали, выгрузились, разместились – море, рынок, вино виноградное. Мэри вся в своих мыслях, как на иголках сидит – Лешке позвонить хочется. Мобильных телефонов в то время еще не было, и, чтобы позвонить, надо было бежать на почту.

– Травка, заговори Пашку, а я Маргошку с собой возьму, вроде пойду ее на аттракционах покатаю. На почту сгоняю, часок меня не будет. Только чтобы он нас встречать не засобирался. Парк-то с почтой в разных концах.

Все произошло сразу – и шепот нежный, и поцелуи, и все то, что само собой должно после этого произойти…

Возвращения Мэри они оба не заметили. И Мэри не заметила, что произошло, пока ее не было. Павел и Травиата еще не очнулись от потрясения, а Мэри было не до них. Ей ни-

чего такого и в голову не могло прийти – приходить-то было некуда. Там, В ГОЛОВЕ, ВСЕ МЕСТО Лешка, Алексей Иванович, занимал – Мэри на почту гоняла зря. Любимого дома не оказалось, а это странно, потому что они договаривались. И Мэри, естественно, была расстроена, а если бы расстроена не была и посмотрела бы на мужа, то обожглась бы об его жаркий, нежный взгляд, предназначенный не ей.

Две недели пролетели быстро. Все как началось, так и продолжалось – все вместе завтракали, купались, пили вино. Иногда Мэри отлучалась как бы дочку на каруселях покатать, и тогда Пашка и Травиата были самыми счастливыми на свете.

Они тогда и не думали, что их случайная ночь станет любовью на долгие годы…

* * *

Ольгиванна заметила, что в дочке что-то изменилось, и, похоже, перемена эта радостная. Допытываться не стала – дочка взрослая, умная. Только раза два мать не к месту вздохнула, что, мол, при нынешней жизни одной, без мужа, ребеночка поднимать тяжело.

А Травиатка никого поднимать и не собиралась. Ни о каких детях она не думала, ей и так хорошо – всю нежность она отдавала своим ушастым клиентам. Она могла хозяйку по имени не помнить, а уж собачкину-то кличку помнила

всегда. Стригла ласково и даже целовала в носик, если клиент или клиентка хорошо себя вели.

4

Павел влился в поток ее жизни легко, и ничего она менять не собиралась. Вот так как раз хорошо. Любимая работа, подружки – Мэрька с повзрослевшей Маргошкой, и для здоровья Пашка – приходил ненадолго, обдавал Травку волной любви и возвращался домой. Ей хватало.

Мэри со своим Лешкой с ума сходила – он-то хотел, чтобы она к нему насовсем от Павла ушла. Уже сколько лет это все тянется, надо что-то решать. А Мэри-то решать зачем? Кругом порядок: Пашка – деньги в дом, дочь-студентка, уже много чем за годы совместного проживания обзавелись-построили. А теперь что – делить, что ли? И Пашка, и Лешка никуда не денутся. Так даже интересней.

Иногда Мэри поручала Травиате ее прикрыть – например, сообщить Пашке, если он позвонит, что она весь вечер у нее была и ушла минут пять назад. Мобильник, мол, у нее сел. А сам Пашка в это время спокойненько напротив Травки сидел. Вот и выкручивайся тут.

Травиата подругу не выдавала. Вообще, все было шито-крыто.

Даже представить себе, как это у них столько лет получается, было невозможно.

Но, судя по всему, всем было хорошо.

* * *

– Травиата, а может быть, стоит развязать этот узелок? – Я, как всегда, прорвалась со своими советами. – Ведь вы все запутались, друг друга обманываете. И зачем? Ведь все так просто – Мэри любит Лешу, он – Мэри. Зачем мучиться-то? У тебя тоже все в порядке – Павел любит тебя, ты его. Схема-то проще простого. Разберитесь по-честному, и все.

Ответ Травиатки меня удивил, вернее, ошеломил.

– А зачем мне это нужно? Завтраками его кормить?..

Я замолчала и думала, что больше всего на свете я любила любимого моего завтраками кормить. И обедами, и ужинами. И рубашки его стирать, и брюки гладить любила. И с работы ждать, и… и… и… Какое это было счастье!!!

Травиата посмотрела на часы и засобиралась к какому-то то ли Джонику, то ли Чарлику. Его как раз с дачи должны были привезти – постричься. Глаза ее засветились нежностью и любовью.

Да, думала я, правду говорят, чужая душа – потемки.

А вот то, что она Мэри мужу не выдает, – молодец. Настоящая подруга.

Ошибка молодости

Фамилия у Сереги была редкая – Баргузинов. Баргузинов Серега – спина прямая, ноги длинные и ровные, как у солиста балета Большого театра. Собственно, почему – как?

Именно балетные ноги, как и должно быть у человека, занимающегося бальными танцами. Балет был слабостью, и страстью, и страшной тайной Баргузинова Сереги, которую он изо всех сил должен был скрывать от жены Оксанки. Дело в том, что на самом деле Серега был маляром-штукатуром, причем классным. И Оксанка тоже маляр-штукатур. Они и познакомились в общежитии, когда оба на стройке работали. А потом Оксанка в декрет ушла, другую Оксанку рожать, а Серега подался на вольные заработки – по квартирам ремонт делать. Денег-то стало больше нужно – двоих Оксанок кормить-одевать.

А тайна у него была вот какая – он в свободное от поклейки обоев время ходил заниматься в школу бальных танцев при Доме культуры строителей. У него в сумке под рабочей одеждой в отдельном пакете всегда лежали балетные принадлежности. А большая Оксанка, жена то есть, страшно Серегу к балетному делу ревновала. И выговор ее звучал строго: «Я замуж выходила за маляра. Жизнь свою с ним связала. А не с танцором. Так что выбирай, Серега, – или мы с Оксанкой, или твои па-де-де».

А Серега выбирал и то, и другое. И, пряча под спецовкой балетную одежду, иногда исхитрялся все-таки фуэте покрутить.

Обои он клеил быстро и ровно-ровно. Элеонора наблюдала, как он работает, и размышляла о своем. Иногда они вместе пили чай – Серега и Элеонора. И тогда Баргузинов сыпал вопросами, и Элеонора просвещала его на разные темы. Она жила на несколько этажей выше Сереги. Не в смысле этажей в доме, а в смысле этажей жизни. От Сереги до нее еще было долго-долго добираться по крутой жизненной лестнице вверх, и Серега это понимал, называл Элеонору по отчеству – Александровна и даже пару раз за время ремонта приходил с коробочкой конфет. Одним словом, как-то за три недели работы Сереги в квартире Эли они подружились. Эля даже однажды прикрыла Баргузинова, когда он танцевать пошел, а Оксанка как раз позвонила. Что-то умело приврала, что, мол, попросила Сергея куда-то за чем-то съездить, и танцор был спасен.

Сама Элеонора была стоматологом. Притом потомственным. Уже третье поколение в ее семье лечило и обновляло пациентам зубы. Врачом Эля была хорошим, пациенты ходили к ней и за собой других приводили, так что в смысле денег все было нормально. И, вообще, во всех смыслах нормально – Саша, муж, работал в большой строительной компании, был человеком серьезным и никаких особенных хлопот Элеоноре не доставлял. Впрочем, как и радостей. Но это

не страшно. А что детей нет – тоже не страшно. Как Эля всем говорила: «Мы с Сашей живем для себя». Все как у всех. Да и слава богу, что Саня вообще у Эли был. Замуж она вышла поздно, уже за тридцать, когда всех хороших женихов уже по хорошим разобрали. И Эле досталось то, что осталось. Короче, Саша – положительный человек.

А до Сани вообще была у Эли не жизнь, а катастрофа…

* * *

Эля вела дневник личной жизни. Вернее, список личной жизни. Сначала фамилия или имя, а рядом – плюс или минус. Иногда против имени стоял знак вопроса. Означало это вот что: плюсик – если с владельцем имени БЫЛО, а минусик – если НЕ БЫЛО. Собственно, минусик-то был всего один, а знаков вопроса – шесть. Это в том случае, если Эля или не помнила, или не поняла – было все-таки или не было.

Под всеми этими Эдиками и Олегами Николаевичами можно было провести итоговую черту, поставить две короткие параллельные черточки – равняется, и под чертой общий итог – БРОСИЛИ! Вот почему это так выходило – непонятно, но бросали Элю все – и военные, и продавец мясного отдела, и артист один из оперной массовки, и другие. Короче – все!!!

* * *

Вот, например, в списке красивое имя – Альберт. И сам он был ничего, имя ему шло. Когда количество свиданий перевалило за три, у Элеоноры появилась смутная надежда, что именно Альбертик и есть ее судьба. И решила она ему на это красиво намекнуть. На четвертый раз, после того, как было, в смысле плюсика в списке, Альберт пошел Элю до троллейбусной остановки проводить. Он не любил, чтобы женщины у него до утра оставались.

И вот стоят они на остановке, а троллейбуса нет, а дождь как раз есть. И замечает Эля, что Альбертик собирается оставить ее под дождем одну – мол, чего вдвоем-то мокнуть? Я пошел, ты жди, троллейбус скоро подойдет. Ну и Эля решила остановить его, огорошив красотой слов, которые она заранее подготовила. Взяла она Альбертика за руку, глаза опустила и говорит:

– Альберт, ты знаешь, – говорит, – что ты – моя настурция.

Альберт забеспокоился, руку отнять хотел – какая еще настурция? А Эля тихо так, но чтобы он все-таки речь ее пламенную слышал, продолжает:

– Понимаешь, милый, я так давно одна, что уже и чувствовать забыла. – Надо же так сказать, как будто она героиня какого-нибудь сентиментального романа из прошлых времен:

чувствовать забыла! – Думала, что вот и август кончается.

Альбертик даже вздрогнул:

– Какой август, уже ноябрь проливной.

– Август мой, думала, кончается, в смысле времени жизни человеческой. А в августе уже все цветы отцвели, и кажется, что и не было никакого цветенья. И вдруг на клумбах вспыхивает оранжевая настурция, цветок запоздалый! Да, да, еще есть цветенье, надежда, радость. Вот ты, Альберт, и есть – моя новая радость, новое цветенье, настурция моя!!!

Во, наговорила! Альберт сначала опешил, а потом руку отдернул и говорит:

– Эля, слушайте, ваша задница уже давно не помещается за школьной партой, а вы все сочинения сочиняете! Август у вас какой-то кончается! Смотрите лучше, вон ваш троллейбус подходит. – И потопала настурция быстрым шагом, оставив Элю стоять под дождем. А Эля заплакала, и в троллейбус войти забыла, и следующего ждала минут двадцать.

* * *

Олег Николаевич тоже с плюсиком в списке значился. Он однажды у Эли заночевал. После, между прочим, ресторана. Там они танцевали под тихую музыку, потом он ломал шоколадку на мелкие кусочки и бросал в бокалы с шампанским. Шоколадинки кружились на веселых пузырьках, а Олег Николаевич смотрел в Элины глаза и грустно рассказывал, что

хоть и женат, но с женой они давно спят в разных комнатах. Так что он почти свободен для женской ласки.

Ну и стал несвободен. Эля старалась как могла – жалела Олега Николаевича всю ночь напролет. А утром пошла на кухню – яички на завтрак сварить, а ее добровольный пленник вышел на балкон – поприседать и размяться. Он привык у себя дома каждый день зарядку делать на балконе. Присел он пару раз, а потом вдруг вылетел с балкона и влетел в кухню как ошпаренный. По яичку ложкой бьет, а разбить не может. Прямо Курочка Ряба какая-то. Эля забеспокоилась: Олежек, что с вами? А Олежек-то, оказывается, когда на балконе приседал, на другом балконе, ровно напротив стоящего дома, свою жену увидел. Она там тоже приседала – привычка, что поделаешь! И муженька своего, козла рогатого, конечно, заметила. Бывает же такое! Ведь он ей сказал, что уезжает со своей фирмой на какой-то семинар за город с ночевкой. А она и рада была, что ей ничего придумывать в очередной раз не надо, чтобы дома самой не ночевать.

Элеонора поняла, что никакого спанья в разных комнатах нет, Олег расстроен, по яйцу не попадает, молчит. И сам засветился, и, главное, понял, что давно уже носит рога.

Яйцо он все-таки победил, молча съел и ушел. А Эля плакала, расставаясь со своей очередной несбывшейся надеждой.

* * *

Рядом с именем полярника Мити стоял знак вопроса. Во время их первой встречи он засыпал Элю интереснейшими рассказами – про полюс и белых медведей. Причем что-то в его голосе давало Эле надежду, что он больше к медведям этим уезжать не собирается, потому что встретил такую очаровательную девушку. И вообще, он так замерз на своей льдине, что завтра же приглашает Элю поехать с ним в Сочи. Митя даже песенку про Сочи напел, что там темные ночи. И Эля уже представляла себе звездную ночь, пустынный пляж, и она с Митей вдвоем на остывающем песке. Ну и плюсик – само собой.

Да, впрочем, все может начаться гораздо раньше, если повезет и в купе они окажутся одни. Эля на дорогу курочку зажарила с румяной корочкой и тарелки одноразовые взяла – для уюта.

В их купе уже сидели два дядьки. Полярник Митя обрадовался, достал картишки, проделал с ними какие-то манипуляции, как фокусник в цирке, и предложил этим дядькам сгонять партийку. Ну они и согласились.

Курочку Эля ела одна и всю дорогу грустно смотрела в окно, забытая полярником напрочь. А он выигрывал и выигрывал деньги. Дядьки мрачнели, Митя ликовал. И так до утра. Эля лежала на верхней полке и думала: «Ну, что ж де-

лать! Ничего, завтра на пляже…»

Полярник очень огорчился, когда поезд прибыл на станцию назначения. Он чувствовал, что у дядек деньги еще есть. Увидев Элю, он даже как будто удивился. Видно, забыл, что в Сочи двинулся не один, а с какой-то Элеонорой. Но потом опять к ней привык и по вокзалу вел Элю под руку.

Пока Эля разбирала чемодан, Митя прилег отдохнуть и храпел, не просыпаясь, до следующего утра. А утром он бодро вскочил и заторопился на пляж. Оказывается, он с дядьками купейными денежными там договорился встретиться и партийку продолжить.

– А вы, Эля (почему-то вы?), позагорайте в сторонке. Ведь женщины как на корабле, так и в карточной игре приносят одни неприятности. А загар вам так пойдет к лицу.

Из Сочи Элеонора и полярник возвращались в разных поездах. А знак вопроса завис в Элиной биографии.

* * *

Дальше в списке шел пианист Валентин. Эля спускалась в метро на эскалаторе, и каблучок ее сапога застрял между ребрышками ступеньки. Эля грохнулась бы и неизвестно, что бы себе сломала, если бы ее не подхватил под руки и не выдернул вместе с сапогом симпатичный мужчина в нерповой шапке с козырьком. Из-под шапки кудрявились вдоль щек густые бакенбарды. Ну прямо как у Пушкина на порт-

рете, где он руки на груди скрестил и писал, что, мол, себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит. Эля строки эти запомнила, когда давно еще в Третьяковке объяснение экскурсовода слушала.

Ну и залюбовалась она на эти бакенбарды. А Валентин вместе со своей спасенной жертвой еще долго шел рядом, проводил ее до самого дома, хоть с пересадкой, а потом еще минут пятнадцать на маршрутке. Спутник рассказал, что он пианист, аккомпаниатор известной оперной певицы, холост и к тому же ни в кого не влюблен. Прощание у подъезда было долгим – не могли наговориться. Он на чашечку кофе не попросился, а Эля сама предлагать не стала – сегодня новое знакомство не предполагалось, и в квартире у нее был небольшой беспорядок.

Договорились, что Валентин позвонит через три дня, так как завтра он уезжает со своей оперной певицей на гастроли.

За эти три дня Эля обегала и обзвонила всех своих подруг, рассказывала и про бакенбарды, и про то, что ни в кого не влюблен. Все подруги в один голос говорили: Элеонора, будь похитрей. Не давай ему с первого раза. Наоборот, хитрость какую-нибудь изобрази. Ну, в смысле: да, Валентин, вы мне очень нравитесь, но вот так сразу я не могу. Это, мол, не в моих правилах. И он, увидишь, как миленький будет стараться изо всех сил, чтобы ты правила свои забыла. А потом – пожалуйста, но в первый день – ни-ни!!! И лучше вообще сразу к нему домой идти не соглашайся. А то ведь

не устоишь.

Элеонора слушала дурацкие советы подруг, а сама уже мысленно нежно гладила его пушистые бакенбарды, перебирала в пальцах густую шевелюру, и ей даже казалось, что она уже слышит звуки музыки, которые Валентин будет извлекать из клавиш, – страстные и грустные.

Валентин позвонил, как обещал, через три дня. Эля притворилась, что не сразу вспомнила: «Какой Валентин? Ах да, мой эскалаторный спаситель!» Спаситель сказал, что будет очень рад видеть Элеонору у себя в гостях. На что Эля, как и обещала подругам, ответила, что они еще так недолго знакомы и что не в ее правилах так просто прийти в дом к малознакомому мужчине и не лучше ли встретиться где-нибудь в кафе. Но пианист настаивал, говоря, что ждет какой-то важный звонок из Америки и не может выйти из дома, а об Эличке он думал все эти долгих три дня и все-таки ждет ее у себя.

Элеонора сдалась и уже через час нажимала на кнопку звонка квартиры своего нового знакомого.

Дверь открыл совершенно лысый мужчина в фартуке. Правда, бакенбарды были на месте и пушились точно так же, как в тот вечер. И еще была тоненькая полоска волос вокруг лысины, которая соединяла между собой эти бакенбарды. На мгновенье Эля замерла, разглядывая нового Валентина. А он тем временем уже снимал с нее шубку, нырнул, чтобы помочь стянуть сапоги. Потом нежно обнял за плечи и чмокнул куда-то в шею:

– Эличка, заходите в комнату. У меня все готово. Сейчас только еще пирог из духовки выну и начнем праздновать наше знакомство.

У Валентина было чисто и красиво – белые стены, кожаная мебель. Большой рояль с подсвечником. Смущали только фотографии, которые висели на стенах в большом количестве. И на всех были запечатлены голые красивые женщины. У Элеоноры даже появилось подозрение – а не затем ли он ее позвал, чтобы вот так же запечатлеть, увеличив на одну дуру свою коллекцию. Валентин перехватил Элин взгляд и улыбнулся: «Пусть вас эти фотографии не смущают. Я не имею к фотомоделям никакого отношения». Просто приятель Вадька – профессиональный фотограф, и любимая его тема – женщины ню. Но жена запрещает Вадьке развешивать эти снимки дома – у них растут два парня, и им эта красота ни к чему. Вот он и устроил свою фотовыставку у холостого Валентина.

Все было вкусно, Эля быстро захмелела, а когда Валентин сел к роялю и положил пальцы на клавиши, совсем растаяла. Уже не было никакой лысины. Вернее, была, но она его нисколько не портила, а, наоборот, только украшала. А глаза такие горячие, что Эля уже почти теряла терпенье. Валентин играл Грига, потом Шопена. Эля узнавала любимых композиторов, а Валентин был рад и удивлен ее музыкальной эру-

дицией. Покончив с классиками, как говорится, под занавес, Валентин хитро подмигнул Эле и спел очень смешно «Мурку» под собственный аккомпанемент.

Свеча, оплывая, накапала в вазочку с остатками салата, и Валентин заторопился убрать со стола – он был большим аккуратистом. И пока он относил на кухню рюмки-тарелки, растаявшая Элеонора решила все-таки отблагодарить пианиста за подаренный вечер своей лаской. А подруги – дуры! Сидят по сто лет со своими мужьями и все уже забыли, как выглядит любовь.

Эля вошла в спальню, быстро разделась и легла, ожидая возвращения с кухни своего нового возлюбленного.

– Эличка, вы где? – услышала она голос пианиста и откликнулась тихим ласковым шепотом:

– Я здесь. Иди ко мне…

Валентин вошел в спальню и остолбенел, увидев голое, зовущее тело Элеоноры. Поза, которая была призвана срочно с полоборота завести и сразить наповал мужчину, была подсмотрена Элей в одном из эротических фильмов.

Дальше произошло то, чего Эля никак не ожидала. Валентин подошел к кровати, натянул на ее голое тело одеяло и грустно промолвил:

– Эля, Эля! Зачем вы все испортили?! Я так надеялся, что на этот раз встретил достойную женщину! А вы… Не в моих, Эля, правилах спать с женщиной в первый же день знакомства. И я эти правила привык соблюдать. Так что, Элеонора,

я сейчас выйду, а вы по-быстрому одевайтесь и уходите. Разговаривать нам больше не о чем.

Эля шла к метро, а в голове крутилась музыка. Нет, не Григ и не Шопен, а «Мурка» крутилась. Там слова такие есть: «Здравствуй, моя Мурка, и прощай…» Это она, выходит, и есть: здравствуй и прощай… Так и надо, сама дура, подруг не послушала. Какой мужик-то хороший попался…

А в списке появился очередной минус, означавший поражение без сражения.

* * *

Вот черт, уходить срочно надо, а кран в ванной сорвало, вода хлещет. Эля позвонила в ЖЭК, вызвала сантехника, и когда он вошел, с чемоданчиком инструментов, в синей рабочей спецовке, Эля застыла, пораженная. Юра, так звали сантехника, был не просто симпатичным парнем, а писаным красавцем. Чисто Голливуд. Вернее, нет, Голливуд просто отдыхает рядом с этим красавцем. И пахло от его спецовки каким-то недешевым парфюмом.

– Ну, показывай, хозяйка, где тут у тебя течет? – Зубы ровные, улыбка красивая невозможно. И в два счета все исправлено-починено, пол он сам вытер, тряпку по-хозяйски отжал. – Ну, вот и все, хозяйка, принимай работу.

Эля за кошельком в сумку полезла – надо же красавца это-

го отблагодарить, хоть стошку дать. Ну она и протянула эту стошку. А Юра взял ее вместе с рукой Элиной и держит, не отпускает:

– А что ж, хозяйка, одна-то живешь? Скучно, небось, одной-то?

И стены рухнули, и пол закачался, и потолок поплыл, и плюсики, плюсики, плюсики…

Целых одиннадцать дней Эля ходила как сомнамбула, от плюсика до плюсика – Юру ждала. Он забегал к ней между вызовами, чтобы плюсики эти ставить. А на двенадцатый день не пришел. И на тринадцатый, и на четырнадцатый. Тогда Эля на хитрость пошла – сама нарочно кран свернула, чтоб вода снова хлестать начала. И позвонила в ЖЭК, что, мол, видно, не до конца сантехник трубу починил и пусть срочно снова зайдет. И сантехник явился. Но не Юра, а какой-то хмурый дядька. Дядька этот ворчал-ворчал, чинил-чинил целый час, а потом получил свою стошку и, недовольный, пошел к двери.

Все это время, пока дядька с краном возился, Эля стояла как каменная. А когда он к двери пошел, не выдержала все-таки, спросила:

– А что ж Юра-то не пришел? Заболел или выходной сегодня?

– А, Юрка-то? Да он уволился. Где-то лучше шабашку нашел. А чегой-то, не пойму, куда ни приду, все бабы меня про Юрку спрашивают?!

* * *

Можно было бы еще долго перечислять все эти плюсики и минусики, вспоминая все Элькины беды и неудачи. В списке этом бесконечном даже иностранная фамилия была – то ли швед, то ли норвежец какой-то побыл недолгим миражем ее бедовой жизни. Но надо сказать, что при всем при этом Элька не была никакой ни ветреной девицей, ни, боже упаси, женщиной облегченного поведения. Нет-нет, она была очень нежной, беззащитной, бесшабашной и невезучей. Короче, как многие хорошие девушки, над которыми во вселенной счастливые звезды выстроиться не торопились.

Элька искренне плакала, узнавая о чьих-то печалях, радовалась чьим-то удачам, никогда никому не завидовала. Хорошим Элька была человеком, что говорить, но везет же в жизни часто как раз не хорошим, а плоховатым. И кто считает, что вообще есть справедливость?

А список? Ну что список, это она просто искала свою судьбу, бродила по трудным тропинкам жизни. Ну и в конце концов судьба все-таки нашлась – Саша. И все сложилось, как надо.

А вот сейчас что-то творится с настроением. Нет-нет, дома, с Сашей все хорошо. Просто через двадцать лет спокойного замужества вдруг взял и возник этот Гришка.

* * *

Гришка на самом деле возник не вдруг, а очень давно возник. Лет тридцать назад. И маячил в Элиной судьбе, вертелся вечно под ногами. Любил. Он один-единственный и любил, и жениться на Элеоноре хотел. Но именно его единственного-то она в упор не видела. Гриша был обычным человеком, без недостатков. Молодой инженер с небольшой зарплатой. Элька-то на зарплату особого внимания не обращала, просто была к Грише равнодушна, и все.

А Гришка-то, хитрец положительный, не войдя в дверь Элиной жизни, полез в окно – стал к маме ее подкатываться, чтобы она на дочку воздействовала. То с конфетами зайдет, то с цветочками явится. Мама и давай трындеть день и ночь дочке нотации:

– Эль, ты дура такая. Чем тебе Гриша нехорош? Положительный, одет всегда аккуратно. Вот подожди, пробросаешься, а потом будешь жалеть. Сама скажешь: эх, дура я, дура! Такого парня упустила! Поймешь когда-нибудь, что потеря Гриши – твоя ошибка молодости!

Расположить к себе несбывшуюся тещу получилось, а вот доченьку ее бестолковую – нет. Однажды Гришка даже в Геленджик прилетел – там Эля с подругой отдыхала. Надеялся, что в подлунном приморском пейзаже все-таки уломает любимую выйти за него замуж. А Эля, наоборот, рассерди-

лась, когда Гришка этот нарисовался в гостинице. Правда, небольшой плюсик в списке рядом с его именем появился. Но и само имя, и плюсик были изображены очень мелким почерком.

Вот бывает же так в жизни – другие мучили, обижали, бросали, а Гришка этот готов был подстилать где нужно соломку и на руках носить. А Эле он был НЕ НУЖЕН!!! Почему? А потому. Не нужен, и все. Ну его.

Гришу можно было бы и вообще не вспоминать в этом повествовании, если бы оно не было вообще-то написано именно из-за него.

* * *

– Сашуль, пойдем в кино?

– Как скажешь, дорогая! – Саша редко возражал жене. А зачем возражать – она же у него умница. Все друзья говорили, что ему с женой очень повезло. Хоть живут они вместе уже больше двадцати лет, а любит Эльку, как в первые дни. И Эля забыла все свои катастрофические романы, жизнь сложилась замечательно. Эля+Саша = Любовь. Хоть на заборах пиши.

На улице жара, а в кинотеатре хорошо, прохладно. И народу мало – лето, суббота, все на даче. А Эля с Сашей в этот раз что-то ехать не захотели. И правильно сделали. Хоть в

кино сходят, фильм хороший посмотрят. Надоело огурцы-то поливать.

Саша первым заметил, что на Элю внимательно смотрит какой-то солидного вида мужчина, седоватый и хорошо одетый. И женщина рядом с ним тоже смотрит. Не любит, видно, когда муж на других пялится.

Элеонора повернула голову:

– Ой, Гриш, ты? – И рада, и целоваться, и с женой знакомиться. – Как я рада! Сколько ж мы не виделись? Лет двадцать пять! Больше? Не изменилась? Да что ты, так не бывает. Да, пара размеров прибавилась. А ты тоже не изменился. Ну и что ж, что немножко полысел – тебе идет. Сашуль, это Гришка, друг мой, из далекой юности привет. Нина? Очень приятно познакомиться!

Поговорить подольше не было возможности, двери в зал закрывали, начинался сеанс. Эля, правда, успела сказать:

– Ребята, подождите после фильма. Поболтаем еще.

Фильм был неинтересным и тягучим. А может, это Эле так казалось. Да она, в общем, в содержание фильма и не вникала. Мысли ее вернулись в далекие дни юности, подробности выплыли откуда-то из лабиринтов памяти. В том числе и морской подлунный пейзаж, а в пейзаже этом молодой, аккуратный инженер, влюбленный в нее без памяти. Да, а жена его хорошо одета, дорого. Наверно, инженерам стали неплохо платить.

Эля завистливой никогда не была, да и натура у нее такая

– много не надо. Хотеть меньше, чем можешь, – так они с Сашей эту свою жизнь формулировали. Да, в общем, могли они вдвоем уже немало. Все у них есть – машина хорошая, японская, квартира хоть и небольшая, но с высокими потолками и в центре. Дача с садом и огородом за сто километров тоже имеется, всегда гостей полно. А когда Эля продукты ходила покупать, на цены внимания не обращала. Что хотела, то и брала. Денег хватало на все. Жалко, что она пошла в кино одетая, как на дачу – в джинсах и майке. Все равно, думала, в машине. Не думала же, что вдруг Гришку там встретит с женой такой разодетой.

Фильм закончился. Гришка и Нина дождались, пока Элька с Сашей выйдут.

– Гриш, Нин, пойдемте к нам, посидим, чайку попьем, поболтаем. Мы тут недалеко живем. Я на машине. Хотите, потом домой отвезу. – Эля посмотрела на Сашу. – Правда, Сашуль?

– Давайте, ребята, не отказывайтесь. – Саша улыбался. – Пойдемте к нам!

Григорий не отрываясь смотрел на Элеонору, и как-то не просто смотрел. И Нина этот взгляд заметила.

– Спасибо за приглашение, но у нас завтра трудный день. У меня фитнес, а у Григория тайский массаж.

– Да ладно вам, трудный. Смеетесь, что ли? Давайте, залезайте в машину.

– Мы тоже на машине, – Гриша умоляюще смотрел на жену. – Нинуль, ну давай заедем на часок? Эля, поезжай впереди, дорогу показывай.

Эля немножко волновалась – сзади ехал огромный, очень крутой джип, и, наверно, Грише из-за него не видно, куда едет Эля.

Во дворе Элеонора припарковалась, а джип тоже притормозил, из него вышел Григорий, выпорхнула Нинуля, а сам джип поехал дальше.

– Ой, а кто это вас подвез?

– Наш водитель. Он сейчас припаркуется и будет нас ждать.

– Ничего себе! Гришка, ты что, начальником каким-нибудь стал? Машину служебную используешь в нерабочее время! – Эля суетилась на кухне – сырку-колбаски, тарелки, рюмочки…

Нинуля ходила по квартире босиком – она так любила. Эля заметила, что у нее ступни какие-то широкие, а пальчики на них – коротенькие и торчат в разные стороны, друг друга не касаясь. Как будто она только что педикюр сделала и топырит пальцы, чтобы лак не смазать. Сумку свою она в коридоре не оставила, а повесила на руку.

«Чего это она с сумкой-то не расстается? – думала Эля. – Денег, что ли, там много?»

– Нина, а вам сумочка-то не мешает?

– Нет. Не мешает. Разве может мешать сумочка, куплен-

ная в Милане за семь тысяч евро?

Эля думала, что Нинуля шутит, и подыграла ей.

– А зачем же человеку такая дорогая сумочка нужна?

А Нинуля вполне серьезно:

– А чтобы свои узнавали. Элеонора, я смотрю, у вас так чистенько, уютненько. Сколько раз в неделю домработница убирает?

– А мы вроде не пачкаем особенно. А пыль и пол я каждое утро сама протираю.

– Вы сами? Ты слышишь, Гришуля? Невероятно!

Дальше разговор понесся о разном, прыгали с темы на тему – и о том, что дочка Гришина в Лондоне учится, и что дом у них четырехэтажный, и соседи – всем известные олигархи, и что сам Гриша никакой не начальник, а владелец. И тем владеет, и тем, и тем… Короче, еще чуть-чуть – и олигарх. И поэтому Нинуля просто обязана выполнять всю олигархическую программу – и фитнес, и Куршавель, и сумочка из Милана. А платье на ней – первая линия известного итальянского дизайнера.

– А у вас, Эля, маечка тоже очень миленькая.

– Тоже, между прочим, первая линия. У нас на рынок как зайдешь, то первая линия направо.

Нинуля шутки не поняла, но, судя по всему, в неожиданных гостях ей нравилось.

– Эля, Элька, про себя расскажи. Как ты? Кто ты? – Гриша, казалось, забыл, что рядом и Саша, и Нинуля, смотрел

влюбленными глазами на несостоявшуюся свою любовь.

– Да все классно. Жизнь как жизнь. У нас с Сашкой полный порядок. И мы всему рады и всем довольны.

– А мне все время хочется больше и больше, – Нинуля поддержала разговор, – и чтоб не меньше, чем у соседей. Но, в общем, и мы живем неплохо. Единственное, что забот слишком много – прислуги полон дом, за всеми следить надо. Чтоб не украли чего, чтоб туалетом и душем в доме вдруг не воспользовались. Да вообще, чтоб свое место холопское знали. Вот и нервничаю целыми днями.

– Ниночка, платье у вас классное. А что, вашего размерчика не было? Побольше, я имею в виду, – Эля тихонько наступила под столом на ногу Саше. – Неужели фитнес не помогает?

Нинуля пропустила эти слова мимо ушей, но на часы посмотрела.

– Пойдем, Гришуль?

– Пойдем, Нинуль.

В коридоре целовались по-дружески. Когда Нинуля нажимала на кнопку лифта, Гриша наклонился к Эле, шепнул: «Я позвоню?!!»

* * *

Все, кто приходил в дом к Эле и Саше, замечали, что ремонт у ребят замечательный. Классный ремонт! Сколько

вкуса! Кто дизайнер?

– А, дизайнер? Да парень один, Баргузинов Серега. Между прочим, бальными танцами занимается. Кстати, надо ему позвонить – в одном месте плинтус чуть-чуть отошел. Пусть бы пришел подделать.

* * *

Сергей Баргузинов пришел с коробкой конфет – он был рад снова попить чаю с Элеонорой Александровной. Плинтус-то что! Пять минут, и готово.

– Сереж, как дела? Как твои Оксанки? Какие успехи на поприще балета?

– Знаете, Элеонора Александровна, я решил бросить танцы эти. Ведь Оксанка моя права – она же замуж выходила не за танцора, а за маляра. И зачем мне ее подводить? А танцы и без меня найдется кому танцевать.

Серега засобирался домой.

– А хотите, я покажу, что я своей младшей Оксанке купил? – Серега выложил из сумки рабочую одежду, а потом достал какой-то красивый пакетик. – Вот, смотрите, какая красота! – На огромной Серегиной ручище лежали малюсенькие розовые пуанты.

Слежка

Каждый день что-то происходит. Не только со мной, со всеми. Бывает поудачнее – кто-то позвонил и бах – перемена к лучшему. Бывает похуже – бах, очки или кошелек потеряла. Но в этом привычном караване дней случаются такие, которые остаются в памяти и на линии жизни. И, главное, мало что можно изменить. А если так, то зачем об этом постоянно думать, разводить пыль на полках памяти?

Нет, я, конечно, не говорю, что нужно забыть все и всех – людей, впечатления. Но если все время жить воспоминаниями, то невозможно чувствовать настоящее.

Вот почему продолжительность жизни в Японии такая высокая? Думаете, из-за того, что едят рыбу и водоросли? Неправильно думаете. Просто они умеют забывать. Сколько раз я слышала от японцев: ну чего ты все время тревожишься? Без конца звонишь по телефону! Ведь если что-то должно случиться, это произойдет, как бы ты ни старалась. Только у тебя в душе появляются шрамы и рубцы, которые сокращают жизнь.

И правда, стала я перебирать в памяти свои тревоги и поняла, что японцы правы. Мне, конечно, поздно меняться, перестать волноваться и бурно реагировать на беды и радости, таким образом топая в сторону долголетия. А вот вы попробуйте.

Еще я заметила, что у каждого человека есть свой жизненный график. Не в смысле – во сколько уснуть, во сколько проснуться. Этот график никем составлен быть не может. Он складывается сам по себе. И называется судьбой. Мы не можем сказать себе – сегодня я буду веселой, а в воскресенье, например, все мне будет казаться обидным. Возможно, конечно, и то, и другое. Но бывает так, что ничего не загадываешь, ничего не предчувствуешь, и вдруг – бум, и происходит то, о чем ты и подумать не мог.

Правда, без предварительной подготовки это – бум! – произойти не может.

Сейчас-то я умная, направо и налево советы раздаю. И к ним прислушиваются, и часто они оказываются правильными. Но на этот ум ушла целая жизнь. В молодости-то я была дура дурой. И при этом очень отзывчивой. И уж если подруга чего попросит – пулей выполнять.

Ну вот, однажды, когда я в библиотеке работала, приходит моя напарница Галка грустная-прегрустная. Муж ее, Василий, похоже, загулял. Приходить домой стал поздно, притом неразговорчивый.

Однажды вообще ошалел, цветы ей принес – розу. Вроде бы радоваться надо. Она и радовалась бы, если бы поступок такой джентльменский был не первый раз за восемь лет их

совместной жизни. Даже замуж Галку звал без цветов, и, когда регистрироваться пошли, она сама себе букетик купила. Хорошо, что лето было – цветы недорогие. А тут вдруг роза. И, главное, это не в день получки было. Сунул ей эту розу, а сам молчит, в телевизор уставился. Даже есть отказался, не в настроении, видите ли. Ну и что тут можно подумать? Розу эту он небось не ей купил, а кому-то еще. И эта кто-то еще какой-нибудь финт отколола, и роза так и осталась у Васьки. Не выкидывать же. Он ее Галке и сунул, даже шипом уколол, кровь шла. Галка эта моя теперь все время его подозревает, с ума сходит. Доказательства нужны, чтобы Ваське или той его хоть как-то отомстить. Но доказательства – дело непростое. Вот Галка вся в раздумьях и ходит, говорит – узнать бы, с кем он ее предает, она бы этой гадине все волосы на башке вырвала.

Так для меня прозвучал сигнал SOS, и я тут же разработала план по обнаружению гадины для последующей расправы над ее волосами. Как раз у нас в библиотеке был выходной, и пробил час.

Я разузнала втихаря, чтоб Галка не догадалась о моем плане и меня не остановила, где Василий работает. Было принято решение – идти по следу. Васька этот сколько раз к нам в библиотеку заходил и меня в лицо знал. Так что надо было маскироваться. Я надела какую-то немыслимую соломенную

шляпу с красивым цветком на полях – дело было в ноябре, снежок как раз совершал свой первый полет и цветочек мой аленький сразу припорошил. Солома, как вы понимаете, не очень-то грела, и поэтому башка моя мерзла. Но для счастья подруги я была готова на все. На носу моем сидели очки с большими очень темными стеклами. Хорошо, что в тот день на улицах Москвы не была объявлена облава на придурков. Иначе меня забрали бы первой и мой коварный план был бы сорван.

Итак, я пошла по следу. Около здания министерства, в котором работал Василий, был памятник одному великому поэту. Я затаилась за памятником и стала ждать.

Ровно в шесть часов Василий вышел из здания, и я начала действовать. Я кралась за предателем короткими перебежками, искусно заметая след. Я вспомнила все прочитанные детективы и была предельно осторожна. Очки болтались на носу, и я боялась, что они слетят и Васька меня узнает.

Сначала мы ехали две остановки на троллейбусе, потом вошли в метро. Василий был спокоен, шел не оглядываясь. А я шла и негодовала – это надо же, так хладнокровно совершать предательство. Из метро Васька двинулся к пригородной электричке, я за ним. Вагон был почти пустой. Я села неподалеку, отвернулась к окну, прикрылась книжкой и в отражение в стекле стала присматривать за Василием. Минут через двадцать он встал и пошел к выходу, я, конечно, следом. Хорошо, что на платформе был народ, и я кралась

незамеченной.

Васька зашел в привокзальный магазинчик, вышел с каким-то тортом в руках и быстрым шагом направился к дому, где, по-видимому, жила гадина. Мы друг за другом поднялись на третий этаж. Я притаилась бесшумной мышью и услышала, что он дверь открывает своим ключом. Мои мысли запрыгали, как шарики пинг-понга над сеткой. Бедная, бедная моя Галка! Вот они какие! Мужики! Никому никогда верить не буду! Я даже заплакала от жгучей обиды за подругу.

Ну, думаю, что ж! Вот ты, гад, и попался! Надо немедленно наказать подлеца.

Я подошла к двери. Голоса были чуть слышны. Целуются сейчас небось, подумала я. Сейчас вам будет не до поцелуйчиков! Я резко нажала на звонок. Дверь открылась почти сразу. Передо мной стояла ошарашенная Галка и пялилась на мою мокрую соломенную шляпу.

– Ой, Лариска! Откуда ты взялась? И как мой адрес узнала? Ты же у нас никогда не была. Я не приглашала. Думала, далековато к нам добираться. Заходи давай! Вася сегодня как раз пораньше пришел, тортик принес. Чайку попьем, поболтаем…

Вот так я и поняла тогда простую истину – не соваться в чужие дела. Нет, помогать людям надо, но в личную жизнь не вмешиваться.

Кстати, я тогда простудилась и бюллетенила две недели.

А вывод простой. Он же совет: мужчинам верить можно. Но очень осторожно…

Девочки-припевочки

Городок Петраково на карте ищи-свищи. То есть нет такого городка. А вообще-то он есть. Вернее, не городок, а поселок городского типа. Это значит, что среди деревянных развалюшек есть два железобетонных дома, как в городе. Да еще школа двухэтажная кирпичная со спортивным залом на первом этаже. И там иногда проводят школьные вечера, и магнитофон крутят, и встают все ребята как бы в две очереди – одна за Внуковой, другая – за Клыковой.

Валька да Олька – две красавицы школьные, талии тоненькие, грудь торчком, обе синеглазки. Правда, у Внуковой Ольки волосы волнистые, а у Клыковой Вальки – прямые. И за Олькой очередь чуть-чуть подлинней. А еще поют обе, как настоящие артистки. У Ольки голос высокий и протяжный, а у Вальки – низкий и глубокий. Они обычно песни пополам делили – заступала Олька, допевала Валька. А припев пели вместе, и это было самое красивое в песне место.

Они сами себя прозвали «девочки-припевочки», а пацаны, когда красавиц поделить не могли, грубовато про них говорили: девки-припевки.

Иногда даже дрались влегкую, кому с кем танцевать. А Внукова с Клыковой смеялись и радовались, что мальчишки так из-за них разоряются.

Девочки дружили с детского сада, как сестрички-близ-

няшки неразлучные. И мальчишек поделили поровну. Ну почти поровну.

А когда на выпускном вечере аттестаты получили – оказалось, что и отметки у них одинаковые. Правда, у Ольки на одну пятерку больше.

Когда школьные годы отлетели в прошлое, решили вдвоем в Москву поехать – учиться. Обе хотели портнихами стать – листать модные журналы они очень любили. Перед самым отъездом у Клыковой Вальки мать с сердечным приступом слегла, и Валюшке пришлось в Петракове задержаться – младшие сестренки еще маленькие, их кормить надо, а маме врачи велели хоть недельку с постели не вставать.

Ну, подумаешь, неделя – Олька первая в Москву поедет, на разведку, а Валька через недельку ее догонит.

* * *

Олька Внукова прямо с вокзала позвонила знакомой, тоже петраковской, Тамаре Звягинцевой. Тамара землячкиному звонку обрадовалась, к себе позвала. Все-таки хорошее слово «братство». Хоть Олька с Тамарой женского пола, но ведь слова «сестричество» нет, а есть «братство». А это значит – друг другу помогать и в беде не оставлять.

Хоть Звягинцева из Петракова давно уехала, в Москве замуж вышла, работала в одной богатой семье домработницей и деньги приличные там зарабатывала, все ж своих, петра-

ковских, не забывала. И, увидев Ольку, обещала тоже помочь устроиться.

На другой день Звягинцева своей хозяйке Миле рассказала про Ольку, и Мила, тоже обожавшая моду, сказала, что позвонит знакомому кутюрье и спросит, где на портних хороших учат.

Кутюрье этот, Эрик Монахов, как раз класс набирал, и Ольку Внукову тоже набрал, и стала она его ученицей, комнату недорогую сняла и начала портняжную науку постигать.

Эрик на девушек особенно внимания не обращал, только на манекенщиц своих поглядывал во время примерок да модных показов, но это так, в связи с профессией. А в жизни женский пол ничего для него не значил. И поэтому то, что он к Ольке все время подходил и что-то объяснял, поправлял чаще, чем других, никакой возникшей симпатией мужчины к хорошенькой девушке не объяснялось. В его внимании была совсем другая причина – разглядел он в Олькиных выкройках и стежках какой-то необычный талант. И довольно скоро Олька стала для Эрика человеком незаменимым.

А в салоне всегда было весело, красиво, пахло кофе, который постоянно кто-нибудь пил. И разговоры важные – Монахов человек популярный, и московские модные дамы с удовольствием проводили у Эрика время, листая журналы, теребя ткани, болтая о том о сем.

Для примерок самым важным и капризным заказчицам Эрик всегда вызывал Ольку. Внукова была немногословна,

нелюбопытна, и заказчицы всегда были примеркой довольны. И у Ольки было всегда на душе хорошо, хотелось постоянно что-нибудь напевать, но мешали булавки, которые она не вкалывала в специальную манжетку, а по старой петраковской привычке сжимала в зубах.

* * *

Вместо недельки клыковская мать пролежала около четырех месяцев, потому что приступ оказался инфарктом, и на Валюху свалилось сразу очень много забот – и младшие, и огород, и к мамке в больницу бегать.

Валентина скучала по своей подруге и считала дни, когда в Москву Ольку догонять поедет.

Как-то войдя к маме в палату, Валя столкнулась глазами с молоденьким то ли доктором, то ли студентом-практикантом. От столкновения получилась искра, которая одновременно прожгла насквозь и Клыкову, и этого медика.

Медик действительно оказался молодым врачом Митей, приехавшим в петраковскую больницу на преддипломную практику.

Митя, когда ставил Валиной маме капельницу, никак не мог в вену иголкой попасть, и только с шестого раза цель была достигнута. Мама сжала зубы и терпела, а когда лекарство по венам побежало, вообще Мите заулыбалась, а про себя подумала – хороший парень, старательный. Вот бы мо-

ей Вальке такого мужа.

И только она это подумала, как Валька в палату влетела, ну а дальше уже известно, что получилось.

Искра быстро разгорелась в костер, и костер этот спалил дотла Валюхину мечту о Москве, а наоборот, ей стал Петраков казаться самым счастливым местом на земном шаре.

Митя, – чем в перекошенной избе у местной старухи угол снимать, – переехал в дом к Клыковым. К концу лета оказалось, что у Клыковых скоро появится еще один обитатель – мальчишка или девчонка. Правда, сам Митя к осени должен был в Москву, в свой институт возвращаться. Он метил после диплома в аспирантуру, и усложнять жизнь женитьбой, да еще мальчишкой или девчонкой в его планы не входило.

Валькина мама от болезни своей оправилась, в прежнюю силу вошла. На дочку она не сердилась и ни в чем ее не упрекала, потому что Валя, выходило, в точности повторяла ее судьбу. Ведь дочка так красиво пела не просто так, а потому, что однажды, семнадцать лет назад, в Петракове один эстрадный коллектив концерт в школьном зале давал. Приехали артисты всего на полтора дня, но солист выпил после концерта, а потом Валина мама его два дня рассолом отпаивала. Он оклемался и рванул гастроли продолжать. Так и не узнал, что в Петракове девочка-припевочка, дочка его, в невесту превратилась. Потом мама хоть с маленькой Валюшкой, но жизнь свою устроила, замуж вышла и еще двоих родила. Правда, когда младший только ходить начал, муж ку-

да-то на заработки подался и уже несколько лет вестей не подавал. Кто-то из петраковских где-то его видел, говорят, выглядит хорошо и одет богато.

Так что Валюшка когда родит, будет в семье уже не двое, а трое малышей. Ничего страшного.

* * *

– Валь, ты что, с ума сошла, Анжеликой девку назвать хочешь? Наши, петраковские, засмеют. Вот что, дочь ты у меня Валька, а внучка будет Галька. Подрастет, петь с тобой будет, представляешь – у нас самодеятельность будет, и на концерте скажут: а сейчас Валя и Галя Клыковы выступают. Красиво, как по телевизору. Ольку-то ты свою небось уже не догонишь, вот и будешь с Галькой песню делить, а припев вместе выводить будете. И опять все на вас говорить будут – девочки-припевочки. – О том, что Валя все мечтает о Москве, мать ее даже и не думала – дите ведь родилось, поднимать надо.

* * *

Колечки дыма летели под потолок, утро только начинало свое пробужденье, заказчиков еще не было, Эрик должен был из Парижа вернуться только к воскресенью – можно бы-

ло покурить, ведя ленивый разговор с другими девчонками. Ольга любила эти утренние часы. Она была уже давно здесь главной, обшивала саму Милу Майскую – ту самую, которая ее сюда привела.

Мила была богатой и доброй, что бывает не так уж часто. Она никогда не приходила с пустыми руками – то пирожных каких-нибудь притащит, то винишка некрепкого, вкусного, то подарочек Ольке – косметичку или платочек.

Можно сказать, что они уже стали близкими подругами, Мила часто заезжала без дела, просто так, с Ольгой покурить. В последнее время Ольга сама придумывала ей наряды, сочетая несочетаемое. Выходило потрясающе красиво, а Эрик Монахов получался как бы в стороне.

Как-то однажды Мила приболела и позвонила Ольге, чтоб приехала навестить. До этого Олька никогда в таких домах не бывала. И хоть Звягинцева Тамара этот дом не раз расписывала, на самом деле он оказался еще более грандиозным, красивым, богатым.

Мила лежала, прикрытая пледом, покашливая и почихивая, Ольге обрадовалась, Тамара кофейку принесла. Но присесть и попить кофе вместе с ними Мила ее не пригласила, и Оля поняла, что в доме этого делать не полагалось. И сама Олька чувствовала себя как-то не так, и разговор был не таким, как обычно там, в салоне.

В первый раз Мила завела разговор о личной жизни.

– Оль, ты такая красивая, а никогда тебе при мне никто

не звонит. Неужели ты одна?

– Да, была одна до вчерашнего дня – вся в работе, бегом-бегом. А ты как в воду смотришь. Как раз вчера бежала, поскользнулась и упала. Наверно, было бы очень больно, если бы меня не поднял Олег. Представляешь, как жонглер какой, раз – и в тот миг, когда я должна была долбануться головой об асфальт, он откуда-то взялся и подхватил меня, я его как увидела, про боль забыла. Ну, и как в кино, – поднял, проводил до дома, долго стояли у парадного, болтали, расставаться не хотелось, ну и не стали. Представляешь, как его красиво зовут – Волоховский Олег. В. О. И я В.О. – Внукова Ольга. Похоже, судьба. Вот сейчас у тебя еще полчасика посижу и помчусь. Вечером с ним куда-нибудь ужинать пойдем. Да, чуть не забыла главное – он, правда, оказалось, жонглер. Из цирковой семьи – жонглеры Волоховские. Ой, Мил, боюсь сглазить, но что-то будет, что называется красивым словом любовь. Ты, Мил, первая, кому я это рассказала.

Мила радовалась за Ольку, обещала не сглазить, подтвердив это троекратными плевками через плечо. Потом пошла в гардеробную, принесла Ольге сумочку самой какой ни на есть высокой моды – на, пусть твой жонглер видит, какую девушку встретил. Если он, конечно, в высокой моде понимает.

Ольга потом, когда свои вещички дома в новую сумочку перекладывала, увидела внутри чек – сумочка стоила 840 долларов. Ничего себе! Да, Милка, хорошо иметь мужа-неф-

тяника.

* * *

Роман развивался так стремительно и так жарко, что Олька забыла обо всем на свете и даже чуть не уколола на примерке булавкой капризную и вздорную клиентку.

Иногда звонила подружка, петраковская девочка-припевочка Валька Клыкова, рассказывала, что Галка, доченька ее, уже вовсю болтает и даже песенки петь научилась. Еще Валентина говорила, что соскучилась очень по Ольке, и на работе, в петраковской больнице, ей, санитарке, платят мало, а алиментов на Галку она не получает, но голодными они с мамой и малышами не сидят, крутятся как-то.

Об Олеге Ольга Валентине не рассказывала, сама не знает почему. Разговор всегда заканчивался на том, что вот поднимет Валька Гальку и приедет в Москву, и если портнихой не получится, то хоть кем.

* * *

Олег еле втащил чемодан в дверь их небольшой квартиры. Гастроли в Японии оказались длиннее, чем он думал, и вместо одного Олега не было дома два с половиной месяца. Имя сынишке придумывали по телефону, чтоб с отчеством Оле-

гович красиво выходило. Ольгу из роддома забирали Мила и Тамара Звягинцева. Эрик потом домой заезжал, над малышом ахал – ой, какой хорошенький, а пиписька какая розовенькая! Арсений Олегович как будто понял, пиписькой шевельнул и Эрика описал, что означало: придется Монахову у Арсения на свадьбе гулять.

Олежка, не раздеваясь, подбежал к кровати малыша, взял сына на руки и затанцевал по комнате – мой, мой сын, Арсений, Арсений Олегович Волоховский.

Ольга счастливо смеялась, вскрикивала, когда движения мужа казались ей неосторожными – ой, Олежка, смотри не урони, слышишь, не жонглируй ребенком.

Из чемодана посыпались одежки, игрушки, разная японская красота. Для Ольги только ничего не высыпалось – все только Арсению.

* * *

Когда Олег сломал руку, Ольга поняла, что надо срочно возвращаться на работу. Никакого капитала у них сколочено не было, тем более что квартиру купили, слава богу, долги вернули всем, так что надо Олежку и Арсения кормить.

Мать Олега согласилась приходить к детям каждый день – ухаживать за Олегом и внуком.

Эрик Монахов и все девчонки были рады возвращению Ольги, рассказывали новости и сплетни о клиентках. В пер-

вый раз Ольга подумала, что они как-то разошлись с Милой. Никаких причин для ссоры, да и самой ссоры не было. Но почему-то после рождения Арсения они всего раза два поговорили по телефону и как будто забыли друг о друге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.